

ЗАМѢТКИ ОБЪ УЧЕБНОМЪ КАВАЛЕРІЙСКОМЪ ЭСКАДРОНѢ.

Одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ въ переменномъ составѣ эскадрона, передалъ мнѣ предлагаемыя замѣтки въ полную собственность. Имѣя въ виду, что въ нашей военной литературѣ, кромѣ небольшой статьи въ декабрьской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1866 годъ, не появлялось ничего объ учебномъ эскадронѣ, и что замѣтки человека, испытывающаго на себѣ принятый тамъ способъ обученія, во всякомъ случаѣ не могутъ не быть интересными, я позволяю себѣ сдѣлать ихъ гласными. Текстъ замѣтокъ вполне принадлежитъ упомянутому офицеру; съ своей стороны я дополнилъ ихъ только примѣчаніями, подѣ которыми обозначилъ—*цѣлы* (*).

Ознакомившись въ теченіе двухъ лѣтъ съ характеромъ занятій въ учебномъ эскадронѣ, мы рѣшились набросать эти замѣтки съ тою цѣлю, чтобы, если онѣ будутъ напечатаны, вызвать сужденія лицъ болѣе компетентныхъ, и такимъ образомъ содѣйствовать совершенствованію эскадрона—совершенствованію тѣмъ болѣе легкому въ настоящее время, что, если и есть недостатки, то, по недавнему учрежденію, они не успѣли еще войти въ плоть и кровь. Цѣль замѣтокъ указываетъ, что мы не принадлежимъ къ числу фанатиковъ своего мнѣнія и не считаемъ его безапелляционнымъ. Мы должны еще прибавить, что замѣтки писались по мѣрѣ того, какъ являлись мысли, а потому, пожалуй, онѣ будутъ грѣшить относительно послѣдовательности.

Итакъ, къ дѣлу.

Основаніемъ существующаго учебнаго кавалерійскаго эскадрона послужило сліяніе елизаветградскаго офицерскаго кавалерійскаго училища съ бывшимъ учебнымъ, точнѣе сказать, образцовымъ кавалерійскимъ эскадрономъ. Не вдаваясь въ подробности изслѣдованія причинъ, вызвавшихъ такое соединеніе, скажемъ, что одною изъ нихъ была двойственность характера учреждений, имѣвшихъ одну и ту же спеціальность, вслѣдствіе чего вліяніе одного парализовало вліяніе другаго. Соединеніемъ ихъ достигалась возможность объединенія интересовъ кавалерійскаго дѣла; средства увеличивались; кругъ дѣйствій опредѣлялся яснѣе, слѣдовательно и достиженіе цѣли становилось легче.

(*). «Замѣтки» доставлены въ редакцію въ декабрь мѣсяца 1869 г. *Ред.*

Учебный эскадронъ долженъ служить выраженіемъ современныхъ тактическихъ требованій отъ кавалеріи, слѣдовательно и опредѣлять условія, которымъ долженъ удовлетворять каждый кавалерійскій офицеръ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Если онъ упустилъ изъ виду эту общепользную задачу, и увлечется какою-либо односторонностью, то или попадетъ на дорогу бывшаго образцоваго кавалерійскаго полка, или наплодитъ мечтателей, или, наконецъ, обратится въ коновально-ветеринарно-берейторскую школу. Средство для избѣжанія такихъ крайностей—ограничиться необходимыми требованіями, отбросивъ все, что составляетъ предметъ роскоши, подъ которымъ нерѣдко скрывается простое пусканіе пыли въ глаза. Иначе, придется гоняться за двумя зайцами, и ни одного не поймать.

Основаніемъ для раздѣленія требованій на необходимые и на предметы роскоши долженъ, конечно, служить матеріалъ, находящійся въ рукахъ.

Успѣхъ эскадрона въ будущемъ мы обуславливаемъ во 1) кругомъ предметовъ, входящихъ въ курсъ образованія офицеровъ, во 2) ихъ програмою и въ 3) методомъ преподаванія.

Что касается перваго пункта, то мы ничего не можемъ сказать противъ него: кругъ предметовъ опредѣляется требованіями познаній отъ кавалерійскаго офицера. Но второй и третій пункты мы не можемъ пройти молчаніемъ. Програма, принимая во вниманіе сложность и относительную трудность чисто практическихъ занятій, а главное, настоящую форму экзамена по билетамъ, намъ кажется слишкомъ обширною. По нашему мнѣнію, всѣ вопросы, невытекающіе прямо изъ служебной необходимости, могли-бы быть изъ нея исключены безъ вреда для дѣла. Таковы, напримѣръ:

1) Всѣ вопросы, составляющіе предметъ любознательности для всякаго образованнаго человѣка (*), вмѣнивъ, впрочемъ, въ обязанность преподавателю помѣстить ихъ въ своемъ руководствѣ, и объяснить на лекціи. Такимъ образомъ, возможность знать этого рода вопросы не будетъ устранена, а офицеры, между тѣмъ, не будутъ стѣснены необходимостью учить ихъ для экзамена, т. е. систематизировать рассказъ самому или же взять его цѣликомъ изъ руководства. Всякому учившемуся извѣстно, что рассказать содержаніе билета на экзаменѣ и при другихъ условіяхъ—большая разница. Не говоря уже о томъ, что найдутся личности, которыя, изъ желанія порисоваться, обратятъ вниманія на эти именно вопросы въ ущербъ главнымъ, нельзя

(*) Въ ипологии — эмбологическіе вопросы, въ теоріи стрѣльбы — образованіе пороховыхъ газовъ, въ тактикѣ — необходимость вооруженной силы, и т. п.

не замѣтить, что, при вѣрившемся взглядѣ на экзаменъ по билетамъ, самое нерутиное отношеніе къ нему экзаменаторовъ не избавитъ офицера отъ необходимости употребить немало времени надъ выработываніемъ отвѣта, что особенно ощутительно при тѣхъ занятіяхъ, которыя существуютъ въ учебномъ экзаменѣ (*).

2) Вопросы, знаніе которыхъ обуславливается преимущественно памятью, а потому и легко забываются, слѣдовательно изученіемъ ихъ не достигается цѣль; напримѣръ исчисленіе 50 болѣзней, недопускаемыхъ при приѣмѣ ремонта.

3) Вопросы чисто-практическіе, какъ напримѣръ держаніе ноги при ковѣ, сниманіе старой подковы и прочее. Въ такихъ вопросахъ теорія только усложняетъ изученіе дѣла.

Относительно программы мы этимъ пока и ограничимся, такъ какъ о ней придется еще говорить при рассмотрѣніи метода преподаванія и примѣненія его по каждому предмету отдѣльно. Теперь же перейдемъ къ третьему пункту; по нашему мнѣнію, главнѣйшему, а именно: къ методу преподаванія.

Способъ преподаванія въ учебномъ эскадронѣ опредѣлился формою экзамена (по билетамъ) и отиѣтками по одному и тому же предмету изъ теоріи и практики отдѣльно. Вслѣдствіе этого, теорія получила почетное мѣсто въ расписаніи занятій и пользуется всѣми правами, которыя предоставлены ей въ школахъ. Въ нее вошли всевозможныя опредѣленія, въ родѣ того, что «новкою называется прикрѣпленіе заранѣе приготовленной желѣзной полосы къ подошвенному краю роговой стѣны», что «выѣзжанною лошадыю называется такая, которая исполняетъ всѣ требованія вѣдока» — какъ будто подобныя истины никому неизвѣстны. Наконецъ теорія, по своему духу терпимости, втягиваетъ иногда такіе вопросы, которые вовсе не идутъ къ дѣлу. Напримѣръ, въ запискахъ о верховой вѣдѣ, на каждомъ шагу говорится, что, «бѣдное животное страдаетъ» — точно пишетъ членъ общества покровительства животныхъ, а не берейторъ. Кажется, нашего офицера не учить любить свою лошадь; скорѣе его можно упрекнуть въ противномъ.

Такое отношеніе теоріи и практики между собою приводитъ насъ къ рѣшенію вопроса: какое мѣсто должна занимать первая въ учеб-

(*). Если вопросъ составляетъ предметъ любознательности для каждаго образованнаго человека, то, не имѣя права ни одного офицера считать необразованнымъ человекомъ, каждый прочтетъ его и самъ; слѣдовательно, вопросъ долженъ быть исключенъ изъ программы совсѣмъ. Если же вопросъ введенъ въ программу, то каждый преподаватель и экзаменаторы должны убѣдиться, какъ онъ понятъ слушателями.

номъ эскадронъ? По нашему мнѣнію, теорія должна быть только вспомогательнымъ средствомъ. Офицеръ учебнаго эскадрона не спеціалистъ всѣхъ предметовъ, въ немъ преподаваемыхъ; ему не придется разрабатывать новыя начала наукъ—для этого есть спеціалисты — онъ долженъ только умѣть употребить въ дѣло готовый матеріалъ. Дѣятельность фронтоваго офицера преимущественно практическая, а потому необходимо пріобрѣтаемая для нея свѣдѣнія и обусловить практическимъ же способомъ преподаванія. Если въ наше время даже и въ учебныхъ заведеніяхъ практикѣ данъ большой просторъ, то въ дѣлѣ военномъ, и кавалерійскомъ вдобавокъ, она еще болѣе необходима.

Не вдаваясь въ подробное разсужденіе о значеніи теоріи вообще, разсмотримъ ее по отношенію къ офицеру учебнаго эскадрона.

Что можетъ дать офицеру теорія, возьмемъ, для примѣра, ипологию. «Ротъ у лошади — по Рутенбергу — не долженъ быть ни очень большой, ни очень маленькой; онъ долженъ быть хорошъ и для держанія удила, и для захватыванія корма» (*). Прошу покорно, заручившись подобнымъ теоретическимъ свѣдѣніемъ относительно рта, примѣнить ему самому на практикѣ. Для спеціалиста, можетъ быть, это свѣдѣніе и имѣетъ значеніе, для офицера же ровно никакого.

Подобныя теоретическія объясненія, безъ подтвержденія ихъ на практикѣ, подрываютъ кредитъ теоріи; офицеръ становится къ ней во враждебное отношеніе и считаетъ ее бременемъ, неприносящимъ пользы. Съ другой стороны, теорія требуетъ теоретическаго отвѣта, успѣхъ котораго обуславливается не только знаніемъ дѣла, но и умѣньемъ говорить бойко и гладко, на что невсякій способенъ. А это обстоятельство одному даетъ средство своимъ краснорѣчіемъ прикрыть свое полужнаніе, другаго заставляетъ заучивать въ зубражку. Между тѣмъ, для офицера было бы гораздо полезнѣе время, употребленное для зазубриванія, провести въ кузницѣ, въ манежѣ или въ конюшнѣ.

Такимъ образомъ, теоретическія занятія требуютъ труда, который не всегда производителенъ. По нашему же мнѣнію, занятія должны быть поставлены такъ, чтобы офицеръ видѣлъ, что каждый часъ, посвященный занятію, даетъ ему реальное знаніе, а не голыя теоретическіе выводы.

Имѣя въ виду сказанное, а также и то, что теорія сама, по себѣ, никогда не даетъ той увѣренности, которою отличаются практики, и которая офицеру учебнаго эскадрона—будущему инструктору—необ-

(*) Способъ преподаванія и опредѣленія—вещи различныя. —цкпй.

ходима, мы полагаемъ, что занятіямъ учебнаго эскадрона нужно придать болѣе практическій характеръ, предоставивъ теоріи мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ. Тогда все излишнее улетучится само собою, и такіе вопросы, какъ, напримѣръ, держаніе ноги при ковшѣ, не будутъ имѣть мѣста въ теоріи (*). Самое изложеніе не будетъ затруднять ни преподавателей, ни слушателей. Наконецъ, практическій способъ преподаванія важенъ и въ томъ отношеніи, что онъ заставитъ преподавателей быть строже къ излагаемымъ ими фактамъ и выводамъ, чѣмъ приобретется довѣріе учащихся къ теоріи. А то, въ самомъ дѣлѣ, факты въ родѣ того, что, если лошадь во время ковки несмирно стоитъ, то ей нужно погрозить пальцемъ могутъ вызвать улыбку недовѣрія, хотя, быть можетъ, средство это и дѣйствительно. При практическомъ способѣ преподаванія, офицеръ будетъ заглядывать въ книгу не рѣже, чѣмъ теперь, но будетъ заглядывать не для зубренія или приготовленія отвѣта на билетъ, а за разъясненіемъ того или другаго. Да и репетиціи примутъ тогда совершенно другой характеръ.

Заговоривъ о репетиціяхъ, нельзя не сказать о нихъ нѣсколько словъ. Имъ придаютъ обыкновенно очень важное значеніе въ силу сложившагося, почему-то, убѣжденія, что офицеръ, по какой-то своей собственной ему одному безпечности, не будетъ ничего дѣлать, если не контролировать его занятій. Намъ кажется, что, относительно учебнаго эскадрона, подобное мнѣніе неосновательно. Во-первыхъ, выйти изъ эскадрона и по второму разряду, вслѣдствіе неудовлетворительныхъ занятій, каждому непріятно; во-вторыхъ, части, по возвращеніи офицеровъ изъ эскадрона, не будутъ къ нимъ снисходительны, видя въ нихъ своихъ инструкторовъ; въ-третьихъ, интересъ предметовъ, преподаваемыхъ въ эскадронѣ, и ихъ житейская примѣнимость служатъ немалымъ побудительнымъ средствомъ для занятій (**). При такой обстановкѣ (если нѣтъ особенныхъ причинъ) лѣнь, апатія и тому подобныя равнозначущія слова не могутъ имѣть мѣста.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію каждаго предмета отдѣльно.

(*) Для объясненія этого необходимо замѣтить, что правила подниманія и держанія ноги лошади при ковшѣ и снятіе старой подковы составляютъ отдѣльный билетъ въ программѣ, который объясняется сначала въ аудиторіи теоретически, а потомъ уже показывается на практикѣ въ кузницѣ. То же требуется и на экзаменѣ.

— цнй.

(**) Намъ самимъ нѣредъ приходилось краснѣть за свое неумѣнье опредѣлить цѣну лошади, ея недостатки, содержаніе, и пр. Наше самолюбіе въ высшей степени страдало, когда намъ говорили: „батенька, вѣдь вы кавалеристъ“. *Аст.*

Воспитаніи науки. Много мнѣній доводилось намъ слышать относительно значенія военныхъ наукъ въ учебномъ эскадронѣ. Одни находятъ ихъ излишними, такъ какъ офицеры уже слушали ихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; другіе полагаютъ, что програма слишкомъ обширна и исторія кавалеріи въ нее введена напрасно; третьи, что, вслѣдствіе всего этого, военныя науки отнимаютъ много лишняго времени отъ другихъ занятій, болѣе полезныхъ. Что касается насъ, то мы были всегда такого мнѣнія:

1) Учебный эскадронъ есть, прежде всего, учрежденіе специально-военное, а не кувачная школа, и даже не берейторская; слѣдовательно, главная его задача—познакомить офицера съ военнымъ искусствомъ, а послѣ уже съ ковкой, ипнологіей, и проч.

2) Всѣ неудачи нашей кавалеріи происходили не отъ дурнойковки или ѣзды, а отъ незнакомства съ боевыми условіями, или отъ нераспорядительности.

3) Взглядъ на дѣло боевыхъ офицеровъ, хотя и неслушавшихъ курса военныхъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, болѣе сознателенъ, нежели офицеровъ, вышедшихъ изъ корпусовъ, но неимѣвшихъ случая примѣнить свои познанія къ дѣлу. Это показали опытъ (*).

4) Исторія кавалеріи, показывая причины успѣха или неудачъ, лучше всего можетъ доказать офицеру, какъ вредно увлекаться въ образованіи кавалериста предметами, хотя и имѣющими значеніе, но все-таки второстепенными.

5) Военныя науки даютъ послѣдніе выводы, служащіе основаніемъ для обученія войскъ въ мирное время, что, для будущаго эскадроннаго командира, вещь далеко лишняя.

На основаніи этого, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнюдь не изгонять военныхъ наукъ изъ числа предметовъ учебнаго эскадрона, а изменить систему преподаванія и испытанія, т. е. ограничить теорію и развить рѣшеніе задачъ на планѣ и на мѣстности, также и военную игру. Приэтомъ, въ формѣ разговорной рѣчи, требовать отъ офицера объясненія причинъ, по которымъ онъ распорядился такъ, а не иначе. Подобный методъ болѣе разовьетъ офицера, нежели приготовленіе систематическаго отвѣта, хотя бы о томъ, что тактика находится въ связи съ другими военными науками, или о соразмѣрности соединенія кавалеріи съ конною артилеріею. Особенно же мы считаемъ полезнымъ рѣшеніе задачъ въ полѣ и съѣмки съ коня (**).

(*) Дѣйствительно, кавказскіе офицеры, хотя и произведенные изъ юнкеровъ, относительно рѣшенія задачъ и вообще находчивости, стоятъ гораздо выше кончившихъ курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

(**) Имѣя въ виду, что въ настоящее время много не можетъ быть произве-

Успѣхи. Дѣленіе устава на теорію и практику, мы не понимаемъ. Намъ кажется, что уставъ такого рода предметъ, въ которомъ теорія дается чрезъ практику. Оплошъ да рядомъ намъ случилось видѣть, да и отъ другихъ приходилось слышать, что люди, вытрубившіе уставъ по параграфамъ, знавшіе какой параграфъ на которой страницѣ, ошибались во фронтѣ наравнѣ съ незнающими. Значеніе теоріи устава уменьшается еще потому, что теорія даетъ возможность додуматься, тогда намъ на практикѣ это додумыванье можетъ надѣлать суматоху. И на практикѣ мы, дѣйствительно, убѣдились, что большая часть ошибокъ во фронтѣ происходитъ не отъ незнанія устава, а отъ непривычій къ фронтальной роли эскадроннаго командира, роли, съ которою офицеры весьма часто знакомятся въ учебномъ эскадронѣ въ первый разъ. Вообще же, что касается устава, то, за исключеніемъ теоріи устава, которая, по нашему, лишняя (*), всѣ занятія и характеръ ихъ вполнѣ рациональны. Тамъ, офицеры старшаго курса обучаютъ нижнихъ чиновъ теоретически уставу, назначаются поочередн гонять смѣны въ манежѣ и участвовать на пѣшихъ ученьяхъ съ нижними чинами (**). Можно было бы еще пожелать, чтобы офицеры знакомились и съ хозяйственной частью практически.

Верховая ѣзда. Предметъ этотъ, требующій полного и всесторонняго знанія отъ кавалериста, проходится, по нашему мнѣнію, слишкомъ рутинно (мы не говоримъ о выѣздѣ молодыхъ лошадей). Почти двухлѣтняя ѣзда на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ, въ одномъ и томъ же порядкѣ (***), дѣло верховой ѣзды—дѣло пріятное—превращаетъ

деннымъ въ оенцеры, минуя юнкера или военное училище, можно было бы отменить чтеніе лекцій собственно въ тактикѣ, ограничившись повтореніемъ ея курса на вѣдкахъ. — *цкѣй.*

(*) Будущему инструктору недостаточно знать уставъ только практически: онъ долженъ уметь и объяснить его. Конечно, будутъ ли эти объясненія требоваться по билетамъ или въ еоризъ отдѣльныхъ вопросовъ—вопросъ другой. — *цкѣй.*

(**) Нельзя не замѣтить, что для ѣзды 108 чел. нижнихъ чиновъ, 20 кадровыхъ унтеръ-оенцеровъ и молодыхъ лошадей назначается обыкновенно время отъ 8—11 утра. Для пѣшаго же ученья часъ послѣ обѣда; т. е. каждому солдату учебнаго кавалерійскаго эскадрона приходится ѣздить черезъ день по получасу, а лишнимъ строюмъ заниматься также черезъ день по часу. — *цкѣй.*

(***) На экзаменѣ требуется отъ оенцера одиночная ѣзда и сю занимаются обыкновенно мѣсяцъ или два передъ концомъ курса; остальное же время оенцеры ѣздятъ и въ смѣнахъ. Имѣя въ виду: 1) что при ѣздѣ въ смѣнѣ неправильности въ управленіи могутъ скорѣе пройти незамѣченными, нежели при одиночной ѣздѣ; 2) что ѣзда въ смѣнѣ неголовомая вещь и въ смѣнахъ оенцеры ѣздятъ въ поляхъ; 3) что оенцерь готовится быть инструкторомъ—кажется, было бы полезнѣе ѣздить поемѣно не болѣе раза въ недѣлю, а остальное время употребить на одиночную ѣзду. — *цкѣй.*

въ довольно скучное и чуть-ли не въ бесполезное занятіе. Мы обуславливаемъ верховую ѣзду не только умѣньемъ управлять лошадей, но и лихостью; между тѣмъ, мы убѣдились на себѣ, что манежъ выучить управленію, лихость же уничтожить. Въ виду этого, было бы не бесполезно, когда позволяетъ погода, устраивать проѣздки въ полѣ, или карусели, не стѣняя офицеровъ никакими формальностями. Такимъ образомъ, офицеру будетъ дана возможность приобрести ловкость, необходимую для каждаго кавалериста, а тѣмъ болѣе для будущаго эскадроннаго командира. А то въѣдъ скачка, со всѣми уставными правилами, часто обуславливается способностью и инстинктомъ лошади, но не смѣлостью ѣздока. Офицеръ, по мнѣнію Нолана, долженъ кокетничать передъ фронтомъ; однако, кокетничая манежными приѣмами, едва ли удивишь фронтъ.

Что касается теоріи верховой ѣзды, то изъ предѣловъ манежа она не должна выходить (*). Въ самомъ обученіи верховой ѣздѣ берейторъ долженъ болѣе всего останавливаться на тѣхъ лошадяхъ, которыя испорчены дурными ѣздоками, или же, почему либо, оказываются трудными на какомъ-либо приѣмѣ, или аллюрѣ, такъ какъ управленіе правильно выѣзженной лошадей офицеру извѣстно и изъ практики, и изъ устава; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, берейторъ не можетъ сказать ему ничего новаго. Далѣе, вопросы сѣдланія, выюченія, мундштученья, взлѣзанія и слѣзанія, какъ чисто уставные, въ теоріи ѣзды не должны имѣть мѣста (**). Наконецъ, значеніе такого билета, какъ взглядъ на устройство шпанрейтера, мы окончателно не понимаемъ: выведенный изъ употребленія, запрещенный приказомъ, онъ можетъ для кавалериста имѣть только отрицательное значеніе (**).

Ипология и ветеринарное искусство. Преподаваніе ипологии, по нашему мнѣнію, обуславливается рѣшеніемъ слѣдующаго вопроса: долженъ ли офицеръ знать ипологию барышнически, ремонтерски или какъ ветеринаръ? Конечно, офицеру необходимы первыя знанія, а они приобретаются практически. Вслѣдствіе этого, намъ кажется, что, кромѣ чтенія лекцій въ манежѣ, а не въ аудиторіи, не мѣшало бы дѣлать хоть разъ въ мѣсяцъ выводку въ присутствіи ветеринара и ученаго кузнеца. Тогда офицеръ могъ бы легче приобрести знанія, касающіяся и здоровья лошади, и содержанія какъ

(*) Въ настоящее время, лекція верховой ѣзды въ аудиторіи отиѣлены.

— члѣй.

(**) Эти вопросы теперь отнесены въ уставу.

— члѣй.

(***) Отчего же не объяснить причины, почему онъ у насъ не употребляется?

— члѣй.

ея, такъ и ея копыть. Мы того мнѣнія, что частое обращеніе съ лошадыю — лучшій учитель ипнологіи (*). Что касается ветеринаріи, то мы помѣстили бы только такіа болѣзни, какъ ушибы, нагнеты и другія наружныя болѣзни. Изученіе же леченія внутреннихъ болѣзней едва-ли принесетъ пользу. Поверхностное знаніе этого отдѣла можетъ причинить даже вредъ, а именно: любители могутъ увлечься и начнутъ лечить лошадей сами. Было бы полезно, если-бы для офицера было обязательно посѣщеніе коннаго лазарета, хотя разъ въ недѣлю.

Ковка. Предметъ этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ для кавалериста. Положеніемъ, какъ нельзя лучше и разумнѣе, требуется, чтобы офицеры умѣли сами дѣлать подковы и ковать лошадей. Не споримъ, что дѣло это требуетъ большаго навыка, но убѣждены, что офицеръ, умѣющій даже плохо сдѣлать подкову и плохо расчистить копыто, гораздо больше уважаетъ кузнецу, нежели тотъ, который знакомъ съ дѣломъ только наглядно. Одно намъ кажется непонятнымъ: отчего бы приготовленіе подковъ не начать прямо въ первомъ курсѣ? Вреда тутъ дѣлу быть не можетъ, да и времени достаточно, если сократить теоретическій курсъ ковки, который чрезвычайно растянуть и по духу программы, и по характеру изложенія. Большую часть билетовъ, какъ, напримѣръ, правила сниманія старой подковы, держанія лошади при ковкѣ и проч., можно было бы, безъ всякаго ущерба, выслать изъ аудиторіи въ кузницу. Тоже и отдѣлъ о неправильныхъ и больныхъ копытахъ. Иначе, т. е. развивая теорію, можетъ случиться, что практическіе отдѣлы программы останутся искуствомъ для искусства.

Стрѣлковое дѣло. Относительно преподаванія этого предмета нужно сказать, что теоретизмъ въ немъ получилъ слишкомъ широкое развитіе. Мы не понимаемъ, какая необходимость кавалерійскому офицеру изучать стрѣлковое дѣло по руководству Вельяминова—Зернова: вѣдь оно издано для учебнаго пѣхотнаго баталіона, котораго стрѣльба—спеціальность; у кавалериста же есть своя спеціальность, которую онъ прежде всего не долженъ упускать изъ виду. Для офицера учебнаго эскадрона особенную важность имѣетъ отдѣлъ: *правила чистки и сбереженія оружія; наружный осмотръ оружія; литье пуль и приготовленіе патроновъ.* Поэтому, намъ кажется, было бы нелишнимъ, еслибы осмотръ оружія въ эскадронѣ, возлагаемый на преподавателя стрѣлковаго дѣла, производился въ присутствіи офицеровъ; тоже и литье пуль, и приготовленіе патро-

(*) Конечно, хотя съ маленькой дозой теоріи.

новъ. Здѣсь можно было бы и повѣрять знанія офицеровъ. Что касается практической стрѣльбы, то едва ли было бы лишнее, если бы была введена падьба съ коня.

Относительно распредѣленія времени между чисто-практическими занятіями мы считаемъ необходимымъ соблюдать слѣдующее правило: поменьше заниматься предметами, которые не имѣютъ боеваго примѣненія, каковы, напримѣръ, сабельные приемы, маршировка, и по-больше обращать вниманія на тѣ, которые, имѣя боевое примѣненіе, обуславливаются возможностью дальнѣйшаго развитія. Правило это особенно важно для учебнаго эскадрона, такъ какъ выработанный здѣсь на занятія взглядъ переходить въ полки, и если солдата занимать по цѣлымъ часамъ сабельными приемами, то — очень естественно — онъ будетъ думать, что это и есть суть его образованія. Намъ самымъ случалось слышать выраженіе унтеръ-офицеровъ, прибывавшихъ изъ бывшаго образцоваго полка: «на что въ образцовомъ полку, а и то рѣдко кто сдѣлаеть это»... Дѣло касалось обыкновенно сабельныхъ или ружейныхъ приемовъ. Такимъ образомъ, увеличивая въ глазахъ другихъ трудность занятій, придаютъ имъ значеніе, на которое они не имѣютъ никакого права. Намъ кажется примѣнимымъ въ учебномъ эскадронѣ слѣдующій порядокъ: по прибытіи смѣны въ эскадронъ, провѣрить правильность приемовъ и, если что-нибудь вкралось противъ устава, то на первыхъ же порахъ исправить; затѣмъ провѣрять ихъ уже изрѣдка, распредѣливъ оставшее время на тѣ занятія, которыя еще мало знакомы въ полкахъ, ибо для того, чтобы передать въ полкъ знаніе сабельныхъ приемовъ и маршировки, незачѣмъ сидѣть два года въ учебномъ эскадронѣ. Въ полкахъ это знаютъ не хуже, чѣмъ и здѣсь.

Между чисто-практическими занятіями мы ставимъ на первомъ планѣ *фехтованіе*. Предметъ этотъ, признаться откровенно, какъ-то двойится въ нашихъ глазахъ. Глядя съ точки зрѣнія теоретической на образованіе кавалериста, мы готовы приписать ему очень важное значеніе; глядя же съ практической (*), намъ кажется совершенно другое. Тутъ мы видимъ стучаніе правой ногой, ангарды, выпады, къ которымъ вообще имѣемъ мало довѣрія. Самый ударъ съ кисти, принятый въ фехтованіи, едва-ли можетъ имѣть значеніе въ бою; онъ требуетъ слишкомъ большой физической силы, чтобы вывести противника изъ строя. Педантическое же требованіе стойки и выпада мы положительно не понимаемъ. Практически мы убѣдились только въ томъ, что, вслѣдствіе этого, до нанесенія еще удара, и плечо, и

(*) Скорѣе съ учебной.

рука, и нога уставали до такой степени, что нами овладѣвало полное безсиліе. Намъ кажется, что если гоняться за существенно-необходимымъ, то можно было бы ограничиться сабельной рубкой, вольнымъ боемъ, при которомъ не требовать педантической правильности приѣмовъ, а главное, ввести рубку видимыхъ предметовъ острымъ оружіемъ. Бой на коняхъ, хотя и не на быстрыхъ аллюрахъ, составляетъ насущную потребность кавалериста. Здѣсь всадникъ приобретаетъ ловкость, а лошадь привыкаетъ къ оружію, такъ какъ послѣднее обстоятельство часто вредитъ успѣху удара.

Вольтижированіе. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе г. Драгомирова, что вольтижированіе на кругу, съ кордой и другими цирковыми атрибутами, мало принесетъ пользы кавалеріи. Фактически мы убѣдились въ томъ, что оно не даетъ даже понятія о смѣлости всадника: тутъ вся исторія въ влчѣхъ, ковыляющей нѣсколько лѣтъ на одномъ и томъ же кругу. Послѣднее распоряженіе о вольтижированіи (*) даетъ ему другое направленіе. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что въ характерѣ обученія педантизмъ не долженъ имѣть мѣста, и природной ловкости должно быть дано какъ можно болѣе простора. Что касается личностей, отличающихся слабымъ здоровьемъ или плотнымъ тѣлосложеніемъ, то ихъ можно было бы совсѣмъ освободить отъ вольтижированія (**).

Гимнастика. Ею занимаются въ кавалеріи немного, что, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно, тѣмъ болѣе, что солдаты занимаются гимнастикой весьма охотно: она льститъ природной ловкости и можетъ преподаваться безъ всякаго педантизма (***). Развѣтїе же силы и ловкости едва-ли можно упускать изъ виду, такъ какъ для примѣненія ихъ всегда найдется случай.

Теперь перейдемъ къ *экзаменамъ*. Они имѣютъ, нѣкоторымъ образомъ, вліяніе на служебную будущность офицера, почему и составляютъ для послѣдняго предметъ первой важности. Само собою разумѣется, что безпристрастіе и вѣрнѣйшая оцѣнка должны играть на экзаменахъ первую роль. Между прочимъ, настоящая форма экзамена по

(*) Когда писались эти замѣтки, то было сдѣлано распоряженіе объ обученіи вольтижированію на еорменныхъ сѣдлахъ и по прямому направленію, съ оружіемъ.

— *икій.*

(**) Это уже сдѣлано.

— *цкій.*

(***) Въ виду этого, намъ кажется, что ограничиваться какъ въ гимнастикѣ, такъ и въ вольтижированіи только тѣми приѣмами, которые указаны въ уставѣ, едва ли полезно. Они обязательны для всѣхъ; большаго отъ солдата требовать нельзя—такъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что солдату должно запрещать дѣлать болѣе, тѣмъ есть въ уставѣ. Есть охота—пусть дѣлаетъ; лишнія сила и ловкость никогда не мѣшаютъ.

— *цкій.*

билетамъ (такъ сказать, лотерейная) отчасти парализуетъ вѣрную оцѣнку. Всякому извѣстно, что и хорошо-знающему предметъ могутъ попасться такіе билеты, на которые онъ обратилъ меньше вниманія, и это даже не можетъ указать его знаній. Для примѣра возьмемъ ипологию и поставимъ въ параллель два вопроса: одинъ о масти лошадей, другой о распознаваніи лѣтъ лошади по зубамъ. Вопросъ о масти не имѣетъ никакого существеннаго значенія, такъ какъ опредѣленіе четырехъ мастей, принимаемыхъ въ нашей кавалеріи, доступно для всякаго, кто и не училъ ипологии; относительно другихъ мастей можно сказать, что это дѣло вкуса, такъ какъ, и по иплогіи ипологии, масть не имѣетъ никакого вліянія на достоинство лошади. Вопросъ же о распознаваніи по зубамъ лѣтъ лошади имѣетъ примѣненіе и въ служебномъ, и въ житейскомъ быту. Между прочимъ, и тотъ и другой вопросы имѣютъ одинаковое право на опредѣленіе степени знанія офицера. Могутъ сказать, что экзаменатору не зачѣмъ ограничиваться однимъ билетомъ: онъ можетъ задать посторонніе вопросы изъ всего курса. Такъ; но оцѣнка знанія все таки составляется главнымъ образомъ по отвѣту на билетъ. Имѣя это въ виду, а также высказанную выше необходимость для офицера употреблять немало времени на приготовленіе отвѣта на билетъ, было-бы желательно, чтобы экзаменъ состоялъ въ отдѣльныхъ вопросахъ и отвѣтахъ и, преимущественно, былъ-бы практическимъ, т. е. обращалось бы главное вниманіе на *примѣненіе знаній къ дѣлу*.

Въ заключеніе можно было-бы коснуться и жизни офицеровъ въ бывшихъ новгородскихъ поселеніяхъ; но это завлекло-бы насъ далеко, а потому мы и остановимся здѣсь. На сколько вѣрны наши мысли—предоставляемъ судить читателямъ (*).

* * *

1868 годъ.

(*) Такъ какъ въ курсы Николаевскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ и юнкерскихъ кавалерійскихъ училищъ входятъ всѣ предметы, проходимые въ учебномъ кавалерійскомъ вѣскадронѣ, то срокъ пребыванія въ послѣднемъ оенцеровъ можно было бы сократить до одного года. — цкій.